

УДК 94 (516)

ЦАРСКАЯ “ОХРАНКА” И ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ

П.П. Литвинов

Рассматриваются проблемы взаимоотношений царской “охранки” как органа политического сыска в Российской империи с Туркестанским военным округом как подразделением русской армии.

Ключевые слова: Туркестан; “охранка”; военный округ; политический сыск.

TSARIST “OKHRANKA” AND TURKESTAN MILITARY DISTRICT

P.P. Litvinov

This article regards problems of interaction between tsarist “Okhranka” as the Russian Empire Political Investigation Agency and Turkestan military district as a Unit of the Russian army.

Keywords: Turkestan, “Okhranka”, military district, political investigation.

Как известно, царская “охранка” в Туркестанском крае была учреждена по итогам первой русской революции 1905–1907 гг. Однако и до и во время революции Департамент полиции МВД (ДП МВД) внимательно отслеживал ситуацию не только в российских областях Средней Азии, но даже в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском, на территории которых часто прятались сбежавшие от его зоркого ока русские революционеры. В ДП МВД прекрасно понимали, что революционный энтузиазм 1905–1907 гг. мало повлиял на “туземное” население региона, а главная опасность в этом отношении таилась в частях местного военного округа, командующим которого был одновременно туркестанский генерал-губернатор.

Действительно, в годы первой русской революции революционная работа в войсках ТуркВО усилилась. 16 декабря 1906 г. начальник Санкт-Петербургского губернского жандармского управления (ГЖУ) писал директору Департамента полиции МВД М.И. Трусевичу, что при аресте прибывшей в Санкт-Петербург из г. Маргилана Ферганской области “обнаружена при обыске переписка, с достаточной полнотой и ясностью определяющая состояние революционного движения в Туркестанском крае и деятельность местных революционеров, направленную главным образом к революционизированию солдатских масс” [1, л. 1] (курсив наш. – П. Л.). Далее он подробно описывал полученные при обыске сведения о работе революционеров в воинских частях ТуркВО. По мнению начальника столичного ГЖУ, размах такой деятельности был

настолько значителен и опасен, что требовалось срочное учреждение в Туркестанском крае органов ДП МВД. Директор последнего доложил об этом министру внутренних дел (и одновременно председателю правительства) П. А. Столыпину. Видимо поэтому уже 31 декабря 1906 г. “премьер” вошел в военное министерство с предложением учредить в Туркестанском крае органы политического сыска, подчиненные Департаменту полиции МВД. О том, чем закончилась такая “затея”, мы уже писали в “Вестнике КРСУ” [2, с. 43–49].

С образованием Туркестанского Районного охранного отделения (ТРОО) оно далеко не сразу начало активную агентурную работу в частях местного военного округа, поскольку года два переживало организационный период, создавая розыскные пункты, налаживая связи с местными органами власти всех уровней, формируя агентурную сеть и т. п. Но первые попытки указанной работы были предприняты Ташкентским розыскным пунктом (РП) уже в 1908 г., так как он был составной частью общего руководства ТРОО. Попытки эти были пресечены Штабом ТуркВО, поскольку новый командующий и губернатор П. И. Мищенко прибыл в край чуть позже, а в последующем вступил в конфронтацию с всемогущим Столыпиным по поводу “самовольного” расселения им в Туркестане “вредных” сектантов – молокан. Понятно, что все сильный в то время “премьер” добился смещения Мищенко в марте 1909 г. Туркестанским генерал-губернатором и командующим округом был назначен генерал-лейтенант кавалерии А. В. Самсо-

нов. Когда в одном из первых докладов начальник ТРОО Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) подполковник Л. А. Квицинский, поведав Самсонову о росте революционных настроений в частях ТуркВО, предложил свою помощь в организации агентурной работы “охранки” в них, то встретил категорический отказ. Командующий округом категорически запретил жандармам заводить свою агентуру среди офицеров и солдат ТуркВО, сославшись на то, что это окажет деморализующее воздействие на всех военнослужащих. Разумеется, “тихой сапой” ТРОО всё-таки работало в войсках, о чем еще будет сказано ниже. И, конечно же, нельзя не признать, что некоторую ценную информацию об умонастроениях в частях округа ТРОО получало. Так, например, туркестанская “охранка” знала о готовящемся восстании саперов в ТуркВО, однако “промолчала”, полагая, что за всё происшедшее будут отвечать только военные власти, а не она, формально отстраненная от политического розыска в войсках.

Действительно, эхо о бунте солдат 1-го и 2-го Туркестанских саперных батальонов летом 1912 г. и его подавлении разнеслось по всей России. Прогрессивная печать, понятно, писала о нем сдержанно и сочувственно. Реакционная – напротив. Однако здесь нас больше интересует именно реакция прессы на действия военной администрации Русского Туркестана. Санкт-Петербургская газета “Гроза” писала по свежим следам “саперного бунта” 1912 г. о том, что “туркестанский генерал-губернатор и Командующий войсками настолько либерален, что рекомендует в войсковые части даже левые, революционного характера газеты” [3, л. 37].

Казалось бы, “саперный бунт” должен был побудить Самсонова пойти навстречу ТРОО в налаживании работы в войсках. Однако 5 ноября 1912 г. исполняющий должность директора ДПМВД Белецкий писал министру внутренних дел А. А. Макарову том, что Самсонов всегда был против использования агентуры ТРОО в частях округа, и подчеркивал, что “необходимость таковой агентуры генерал Самсонов отрицает и в настоящее время, несмотря на все убеждения” [3, л. 128 об.]. Выводы Белецкого были основаны на донесении исполнявшего должность начальника ТРОО и Ташкентского розыскного пункта ротмистра Кублицкого-Пиотуха от 18 октября 1912 г., в котором тот сообщал, что при докладе Самсонову о результатах расследования бунта саперов он снова предложил ему усилить агентурную работу с участием ТРОО и розыскных пунктов в армейских подразделениях, на что генерал от кавалерии ответил, что “не может допустить агентуру в войсках, считая это развратом, который только деморализующе подействует на войска, уничтожив всякое чувство товарищества, ибо каждый будет видеть в другом предателя”. Самсонов

заявил, что он лучше пойдет в бой с “отпетыми” негодяями, чем будет знать, что у него за спиной находится “соглядатай охранки” [3, л. 132].

Любопытно, что при следствии по “делу саперов”, а в последующем во время суда над его руководителями и участниками командование ТуркВО и военно-окружной суд выхолостили его таким образом, что бунт был представлен не как политическое, а как уголовное преступление. В обвинительном заключении отсутствовали какие-либо упоминания о “революционной” или “политической” подоплёке дела. Защитники обвиняемых в ходе судебного процесса дружно заявляли об отсутствии политических мотивов в действиях бунтарей.

В ноябре 1912 г. министр внутренних дел Макаров направил под грифом “совершенно секретно” письмо военному министру В. А. Сухомлинову, в котором указывал, что в условиях нарастающего революционного движения в стране и в армии позиция туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками ТуркВО генерала от кавалерии Самсонова, отрицающего необходимость работы политического розыска ДПМВД в частях округа, представляется ему вредной. Макаров отмечал, что командующий ТуркВО заявил генералу Звонникову, расследовавшему обстоятельства бунта саперов, о том, что он всегда будет против присутствия “provokatorov в войсках”. Министр внутренних дел заключал в письме, что при такой позиции Самсонова “получение своевременно сведений становится в данном округе совершенно невозможным” [3, л. 139 об.]. Военный министр сообщил о недовольстве главы МВД Самсонову, но посоветовал *тому оставить дела на прежнем основании и не заводить секретной жандармской агентуры во вверенных ему войсках*. Поэтому в декабре 1912 г. при докладе начальника ТРОО подполковника ОКЖ Сизых командующий ТуркВО заявил тому, что с его стороны “не встречается препятствий для заведения секретной агентуры в войсках округа”, но при условии, “если на этот предмет будут даны письменные или словесные указания со стороны г-на Министра Внутренних Дел и Военного” [3, л. 189]. После этого сообщения он запретил работать органам политического розыска ДП МВД в частях ТуркВО до решения этого вопроса на законодательном уровне, но пообещал, что в необходимых случаях они смогут бывать там, получая содействие военных на благо Отечества.

Безусловно, после вышеизложенного закономерен может сформироваться мнение о том, что по причине категорических запретов командования ТуркВО проводить жандармские розыскные действия в частях округа такие мероприятия в них действительно не имели места. Если бы нам не пришлось изучить множество документов о работе общей (“военной”)

полиции в Русском Туркестане, “военном” политическом сыске в регионе до и после образования здесь органов ДП МВД, мы, наверное, тоже пришли бы к такому убеждению. Но оно было бы принципиально неверным и ненаучным. Документы позволяют утверждать, что политический розыск органов ДП МВД в частях ТуркВО имел место с самого начала деятельности ТРОО, причем еще до образования в крае розыскных пунктов, ему подведомственных. Так, 7 июня 1908 г. начальник ТРОО подполковник Квицинский направил туркестанскому генерал-губернатору и командующему ТуркВО генерал-адъютанту П.И. Мищенко письменный доклад, в котором излагал сведения о настроении в войсках округа, причем именно революционных. Сведения были достаточно подробными и убедительными [4, л. 123–124 об.]. И такие доклады представлялись начальниками ТРОО генерал-губернаторам весьма регулярно, о чем свидетельствуют материалы Штаба Туркестанского военного округа, куда первые лица края пересылали сведения, полученные от руководства “охранки”.

Выше мы указывали, что генерал Самсонов в декабре 1912 г. благодушно пообещал оказывать ТРОО содействие военных властей в изучении политических настроений “нижних чинов” округа. И на этой основе также может сформироваться мнение о том, что до великодушного жеста кавалерийского генерала такого содействия чинам ТРОО командирами воинских частей ТуркВО не оказывалось. И это мнение тоже будет ошибочным, поскольку еще 6 сентября 1908 г. Мобилизационный отдел Главного штаба писал в циркуляре № 932 начальнику Штаба войск ТуркВО генерал-лейтенанту Г.К. Рихтеру о том, что надо незамедлительно отвечать на запросы ТРОО об интересующих его “нижних чинах” частей округа. Более того, циркуляр предписывал туркестанским военным сообщать чинам ТРОО своевременно всё то, что они могут узнать о политической неблагонадежности подчиненных, особенно о новобранцах. Вызывает любопытство то, что Мобилизационный отдел рекомендовал Штабу ТуркВО сообщать обо всем в ТРОО не самому и напрямую, а именно через командиров войсковых частей [4, л. 176–176 об.]. Кстати, необходимость исполнения военными властями края всех требований ТРОО была заложена самим туркестанским генерал-губернатором Самсоновым в пункте 4-м его известного циркуляра № 928 от 13 июля 1910 г.: “Гг. Военным губернаторам областей, Начальнику Закаспийской области и Начальникам Жандармско-Полицейских Управлений Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог”, которым он предписывал исполнять такие требования “неукоснительно и немедленно” [5, л. 11 об.].

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что военное министерство и командо-

вание войсками ТуркВО категорически запрещали ТРОО и его розыскным пунктам иметь свою агентуру в воинских частях как организационно оформленную структуру, напрямую зависящую от органов политического розыска ДПМВД и так же напрямую (то есть мимо военного командования) сообщающую им добытые сведения. Во всем остальном они не препятствовали ТРОО и его розыскным пунктам получать “армейские” сведения всеми возможными для него средствами, рекомендуя даже командирам частей ТуркВО доносить в указанные органы о фактах политической неблагонадежности “нижних чинов” или революционной работы среди них.

То, насколько часто командиры делали это, зависело от их нравственности, политических убеждений, отношений с подчиненными и т. п. У нас есть все основания полагать, что они прибегали к подобным контактам с туркестанскими жандармами редко. Как и большинство российских военных, командиры частей ТуркВО недолюбливали “голубые мундиры” и предпочитали не выносить “сор из избы”, решая вопросы о политической неблагонадежности своих подчиненных “местными” средствами, спектр которых был весьма широк. Следует отметить, что такая работа командиров частей была небезуспешной.

Киргизстанские советские историки объективно свидетельствовали в 1982 г. о том, что в рассматриваемый нами период в целом воинский контингент ТуркВО не поддавался революционной пропаганде, поскольку “основную массу царских войск в крае составляли стрелковые и резервные части, стоявшие в гарнизонах и укреплениях” [6, с. 95]. По их мнению, значительную роль в этом сыграла “Туркестанская военная газета”, которая вела контрреволюционную пропаганду в войсках ТуркВО. Мы разделяем их мнение, но лишь отчасти. Хотелось бы подчеркнуть, что для нас в данном случае представляется главным то, что мы документально доказали здесь наличие определенной нормативно-правовой базы сотрудничества командования ТуркВО с органами политического розыска ДП МВД в Русском Туркестане.

То, что военные власти ТуркВО незамедлительно реагировали на запросы ТРОО, подтверждается документально. 7 июня 1909 г. начальник Воронежского ГЖУ доложил в ДП МВД о том, что по имеющимся у него сведениям бывший священник Лесковой слободы Богучарского уезда Воронежской губернии А. В. Микулин, “расстриженный” за распространение среди крестьян нелегальной эсеровской литературы, служит в одной из воинских частей г. Коканда Ферганской области Туркестанского края. Он просил сообщить об этом в ТРОО, с тем чтобы Микулин был взят под его надзор как “политически неблагонадежный”. ДП МВД переправил

эту информацию начальнику ТРОО подполковнику Квицинскому. Тот запросил Штаб войск ТуркВО о местонахождении и должности Микулина. Реакция Штаба последовала незамедлительно, и вскоре Квицинскому сообщили о том, что Микулин служит в ведомстве Кокандского воинского начальника, полковника Рубовского, подчиненного по службе командованию 3-й Туркестанской стрелковой бригады. В характеристике полковника Рубовского указывалось, что Микулин «ведет скромный образ жизни <...> В отношении его с неблагонадежными никому подозрения не внушает» [7, л. 6]. Выяснив всё о Микулине, 7 октября 1909 г. ТРОО обратилось к начальнику жандармско-полицейского управления (ЖПУ) Средне-Азиатской железной дороги, рекомендуя установить за Микулиным «негласный» надзор. Тот возложил эти обязанности на начальника Маргиланского отделения ЖПУ дороги. Однако 25 ноября 1909 г. последний писал начальнику ТРОО подполковнику Квицинскому, что Микулин проживает в военной крепости и «установить наблюдение за его деятельностью не представилось возможным, так как допуск посторонних лиц в крепость сопряжен с большими затруднениями» [7, л. 11].

То, что ТРОО следило не только за поведением «нижних чинов», но и офицеров, тоже подтверждается документально. Причем не только по причинам выяснения их «политической благонадежности», но даже сугубо моральным. В мае 1913 г. начальник ТРОО подполковник ОКЖ Сизых докладывал командующему войсками ТуркВО Самсонову о порочном поведении поручика Кушкинского гарнизона Е.В. Головина, указывая, что «названный офицер-алкоголик в последней степени <...> рапортуясь больным <...> каждый день посещает публичный дом, куда вход господам офицерам воспрещен, и буфет вокзала напивается до нетрезвого состояния в компании с рабочими депо и нижними чинами». Сизых констатировал, что «поведение поручика Головина крайне позорит офицерский мундир в глазах Кушкинского гарнизона и жителей крепости» [8, л. 92 об.]. В итоге, командование округом понизило Головина в должности, перевело в другую воинскую часть, а потом уволило.

Учитывая, что в ТуркВО служили и мусульмане, не располагавшие статусом «туземных» (коренных, туркестанских) граждан, – татары, башкиры, дунгане (их стали призывать с 1892 г.), уйгуры и др., то нас заинтересовал вопрос о том, работали ли ТРОО и подчиненные ему РП ДП МВД в их среде с целью пресечения проникновения в нее идей революции и панисламизма, однако в фонде 461 (ЦГАУзб.) мы обнаружили только одно архивное дело по этому вопросу [9]. Но, во-первых, оно оказалось «тощим», а во-вторых, относилось к 1909 г.,

когда начальник ТРОО Квицинский еще пытался наладить такую работу в ТуркВО. Но после запрета туркестанских военных властей органам ДП МВД создавать агентурную сеть в войсках ТРОО, видимо, прекратило деятельность на «мусульманском» направлении в воинских частях округа.

Вышеприведенное свидетельствует о том, что за всё время своей деятельности в Туркестане (1907–1917 гг.) краевая «охранка» в целом (включая и розыскные пункты ДП МВД в Асхабаде и Верном) не имела доступа в войска Туркестанского военного округа для проведения в них своей профессиональной деятельности в привычном и полном ее выражении, как это было в других местах России, а именно: создание агентурной сети, ее структурирование, инструктаж и т. п. Вместе с тем военная администрация края не препятствовала «охранке» добывать нужную информацию о войсках всеми другими допустимыми способами. Более того, в необходимых случаях командиры воинских частей Туркестанского военного округа были даже обязаны информировать органы ДП МВД в регионе об опасных людях и настроениях во вверенных им подразделениях. Таким образом, между туркестанскими военными и царской «охранкой» в Туркестане существовали натянутые, прохладные и далеко небезоблачные отношения, однако в своей глубинной основе они не были враждебными и действительно антагонистичными, так как обе стороны служили одному и тому же хозяину – царскому самодержавию.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1906. Д. 25. Ч. 67.
2. См.: Литвинов П. П. Об организации царской «охранки» в Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам) // Вестник КРСУ. 2014. Т. 14. № 3.
3. Цит. по: ГАРФ. Ф. 102, ДПОО. 1912. Д. 290.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 229.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486. Д. 82 «б».
6. Галицкий В.Я. Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX – начале XX в. / Галицкий В.Я., Джаманкараев А.Б., Сапелкин А.А., Усенбаев К.У. Фрунзе: Наука, 1982.
7. Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГАУзб.). Ф. 461. Оп. 1. Д. 476.
8. ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1913. Д. 20. Ч. 84 «б».
9. См.: ЦГАУзб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 708 – О сборе сведений об панисламистской пропаганде в войсках.